

НА ПРИЗЫВЪ СЕРДЦА.

(Быль пзъ времянь Японской войны).

(Продолженіе ¹⁾).

агровый дискъ солнца величественно разгорался надъ горизонтомъ безбрежной равнины. Ника подь руку съ женой медленно шель по пустынной улицѣ. За его спиной, время отъ времени тычась въ нее кудластой мордой, брель низкорослый, крѣпкій, заросшій мохнатой шерстью, «забайкалецъ» подь щеголеватымъ кавказскимъ сѣдломъ. Измайскій недавно былъ назначенъ начальникомъ конной охотничьей команды и очень гордился этимъ, стараясь какъ можно ближе походить на заправскаго казака. Онъ купилъ себѣ кавказскую пашку, бурку, заламывалъ особеннымъ манеромъ сибирскую папаху и небрежно поигрывалъ плетью, висѣвшюю у него на боку на тонкомъ ремешкѣ.

— Да, Таня, говорилъ Измайскій, продолжая начатый ими еще въ палатѣ разговоръ, я вѣрю въ Куропаткина, да и большинство изъ насъ въ него вѣрить.... Въ немъ нѣтъ блеска, онъ не эффектенъ, но въ то же время въ немъ есть что-то могучее... Я видѣлъ его нѣсколько разъ и почему-то онъ мнѣ всегда казался грозовой тучей,

¹⁾ См. № 5 «Воен. Сборн.»

медленной, тихо-тихо надвигающейся, но постепенно заполняющей все небо.... Что мы до сихъ поръ терпѣли неудачи — это ничего. Признаться, мы всё ожидали на первыхъ порахъ неудачъ; наши силы были слишкомъ разбросаны, врагъ всюду былъ сильнѣ насъ, мы еще его плохо понимали: теперь не то, силы уравниваются, шансы мѣняются.... Глубоко правъ Куропаткинъ въ своемъ приказѣ отъ 19-го сентября, который отнынѣ станетъ историческимъ; «..... Войска Манчжурской арміи, неизмѣнно сильные духомъ, до сихъ поръ не были достаточно сильны численно, чтобы разбить выставленные противъ нихъ японскія арміи», и далѣе: «но теперь уже настало желанное и давно ожидаемое всею арміею время идти самимъ на встрѣчу врагу. Пришло для насъ время заставить японцевъ повиноваться нашей волѣ».... и кончаетъ знаменательными словами: «съ глубокимъ сознаниемъ важности выпавшей на насъ задачи, мы должны идти впередъ безтрепетно съ твердою рѣшимостью исполнить свой долгъ до конца, не шадя живота своего, и да будетъ надъ всѣми нами воля Господня».

Вдумайся, какъ красиво звучитъ этотъ аккордъ: «воля Господня»! Дивный, незабываемый приказъ.... У насъ въ полкахъ многіе выучили его наизусть и пусть разныя старыя вороны каркаютъ, мы, молодежь, вѣримъ въ удачу: Куропаткинъ покажетъ себя.

Татьяна Михайловна слушала восторженную рѣчь мужа и ея сердце почему то болѣзненно сжималось.

За селеніемъ, около полуразрушенной кумирни они остановились и долго стояли, перебрасываясь послѣдними фразами, будучи не въ силахъ оторвать другъ отъ друга затуманенныхъ тоскою глазъ.

— Береги себя, Ника, умоляюще шептала Татьяна Михайловна. Я, конечно, понимаю.... война.... но вѣдь и на войнѣ, мнѣ кажется, можно соблюдать нѣкоторую осторожность.... Не рвись уже черезчуръ всегда впередъ, не напрашивайся на опасность, не испытывай понапрасно судьбу....

— Таня, Таня, замолчи, мнѣ стыдно тебя слушать!... Неужели ты, моя милая, дорогая, обожаемая, хуже какой нибудь полудикарки японки?... Тѣ провожаютъ мужей своихъ и просятъ не жалѣть ни себя, ни ихъ, а смѣло умирать за родину....

— Ахъ, милый, какое мнѣ дѣло до японокъ и до ихъ геройства и кто это видѣлъ, кто слышалъ, какъ и что онѣ говорятъ?... Можетъ быть все это басни, выдумки досужихъ корреспондентовъ, а если онѣ и правда посылаютъ своихъ мужей на смерть, то значить у

нихъ нѣтъ къ нимъ настоящей любви.... Значить у нихъ не болитъ такъ сердце, какъ болитъ сейчасъ у меня.... Ахъ, Ника, Ника, чѣмъ-бы я не пожертвовала за то, чтобы мы могли сейчасъ уѣхать въ Россію и зажить спокойною жизнью, чтобы мнѣ не терзаться ужасомъ потерять тебя.... Подумай, сколько минутъ во дню, столько разъ мое сердце сжимается отъ нестерпимой тоски и страха за тебя, и такое душевное состояніе будетъ продолжаться мѣсяцы.... Ужасно! Ужасно!

Измайскій слушалъ слова жены. Ему было и больно и досадно; онъ нестерпимо жалѣлъ ее и въ то же время осуждалъ за слабохарактерность.

— Ахъ, Таня, Таня, какой ты еще ребенокъ и какъ ты мучаешь меня своимъ отчаяніемъ!... Будь хоть немного философомъ... Нельзя же впереди всего ставить свою личность.... Это эгоистично.... Каждый человѣкъ долженъ помнить свой долгъ....

— Я знаю только одинъ долгъ, всюду идти за тобою; если ты будешь раненъ, я буду подлѣ тебя, ни за кѣмъ не буду смотрѣть, только за тобою, буду служить только тебѣ; если тебя возьмутъ въ плѣнъ, я тоже уйду въ Японію и буду съ тобой дѣлать и горе и заточенье; если тебя убьютъ—и я умру... такъ и знай.... Я изъ тѣхъ, у которыхъ любовь — смерть....

— Какъ у людей изъ племени Азровъ. Помнишь стихотвореніе Гейне, попытался пошутить Измайскій, но Татьяна Михайловна не улыбнулась и просто отвѣтила.

— Да, какъ у людей изъ племени Азровъ. Развѣ это не бываетъ?

Съ тяжелымъ сердцемъ вскочилъ Измайскій въ сѣдло, красивымъ привычнымъ жестомъ поправилъ папаху и, чтобы не длить тяжелыхъ минутъ разлуки, съ мѣста пустилъ своего забайкальца вскачь.

Татьяна Михайловна невольно протянула руки, сдѣлала нѣсколько торопливыхъ шаговъ, остановилась и замерла въ порывѣ нѣмого отчаянія.... Долго стояла она, жадно лоя взоромъ исчезающую на залитомъ солнцемъ горизонтѣ фигуру мужа, и, когда онъ совершенно скрылся изъ глазъ, она вдругъ жалобно вскрикнула и вся, сразу ослабѣвшая, тихо склонилась къ ногамъ чудовища-идола, мрачно вздымавшагося изъ руинъ разрушенной кумирни. Ярко-пестро размалеванный, съ разбитымъ лбомъ и зияющей пустотой въ проломленномъ боку, идолъ-чудовище, казалось злобно торжествовало.... Теперь онъ былъ отомщенъ и за разру-

шенную кумирню, гдѣ онъ въ сумрачномъ полумракѣ простоялъ не одну сотню лѣтъ, и за раззоренное селенье, ввѣренное его охранѣ, и за ушедшихъ невѣдомо куда, лишенныхъ имущества и крова, его жрецовъ и поклонниковъ.... Съ сатанинской усмѣшкой на окаменѣломъ лицѣ простиралъ онъ, словно проклиная, полуобломанныя руки надъ склоненной у его ногъ рыдающей дочерью сѣверныхъ варваровъ, явившейся сюда незванной, непрошенной изъ другого чуждаго міра, чтобы здѣсь, у ногъ жестокаго языческаго божества разбить свое изстрадавшееся любовью сердце.

Уже недѣля по всей линіи, на протяженіи свыше двадцати верстъ, идетъ упорный, неслыханный, невиданный въ исторіи человечества, бой. Начался онъ, какъ и всѣ наши злополучныя операціи въ эту войну, съ предположенія о массовомъ наступленіи русскихъ войскъ, назначенномъ на 10-е февраля въ направленіи на деревню Сандепу. Какъ и прежде, какъ и всегда, подготовка наступленія была образцовая. Управление артилерійскимъ огнемъ было настолько въ рукахъ главнокомандующаго, что стоило ему отдать приказъ и путемъ нажатія одной электрической кнопки каждую изъ лежащихъ на пути наступленія деревень могли громить одновременно 230 орудій. Но и на этотъ разъ злой геній Россіи внушилъ главнокомандующему отложить намѣченное наступленіе съ 10-го на 12-е февраля.... Только два дня.... И вся грандіозная затѣя рухнула, какъ карточный домикъ. Японцы, освѣдомленные своими шпіонами, 10-го февраля повели наступленіе на Цинхенченскія позиціи.... Пронеслась роковая вѣсть: Цинхенченъ уступленъ. Лѣвый флангъ русской арміи отошелъ назадъ. Изъ устъ въ уста передавалась злополучная, ставшая исторической, телеграмма генерала, не сумѣвшаго отстоять эти столь важныя твердыни: «Счастливъ донести вашему высокопревосходительству, что стрѣлки отошли съ позицій съ пѣснями» ²⁾). Получивъ эту громовую телеграмму, главнокомандующему не оставалось ничего другого, какъ наложить на ней проникнутую грустной ироніей резолюцію: «Лучше бы они не пѣли и не отступали».

Отступленіе отъ Цинхенчена спутало всю игру Куропаткина, смѣшало всѣ его карты. Японцы, какъ всегда, и на этотъ разъ, захватили инициативу въ руки и все пошло по извѣстному, роковому пути.

²⁾ Исторически вѣрно.

Напрасно генераль Даниловъ нѣсколько дней подрядъ сбрасываетъ съ охраняемыхъ имъ высотъ насѣдающихъ на него японцевъ; славною смертью героевъ гибнетъ японская гвардія въ отчаянной борьбѣ съ генераломъ Засуличемъ и старый генераль, отбивъ четырнадцатую атаку, съ гордостью доноситъ Куропаткинѣ: «Доношу вашему высокопревосходительству, гвардія микадо разбилась о мой корпусъ».

Седьмой день кипитъ ярый, упорный бой и уже начинаетъ казаться, что будто боевое счастье, упорно показывавшее намъ до сихъ поръ спину, постепенно медленно оборачивается лицомъ....

Побѣда Россіи надъ Японіей, подобно грозовой тучѣ, нависла въ воздухъ; казалось еще одно усиліе и врагъ дрогнетъ; какъ подбитая снарядами стѣна, рухнетъ обаяніе его побѣдъ и все смѣшается, спутается, въ одномъ общемъ хаосѣ неудержимаго отступленія передъ побѣдоносной русской арміей.

Пока шла эта титаническая борьба двухъ огромныхъ армій, на протяженіи свыше ста верстъ, въ тылу кипѣла своя страшная, неутомная работа.... Всѣ госпитали, лазареты были переполнены ранеными и съ каждымъ часомъ все больше и больше подвозили въ повозкахъ и подносили на носилкахъ.... Цѣлые обозы двуколокъ, нагруженныхъ искалѣченными людьми, медленно тащились по дорогамъ, гремя по мерзлой землѣ тяжелыми колесами.... Стоны и вопль стояли въ воздухъ.

Госпиталь, гдѣ работала Измайская, былъ заваленъ ранеными. Давнымъ давно уже были использованы всѣ кровати, скамейки, табуреты, запасные матрацы и кошмы. За неимѣніемъ мѣста, раненыхъ клали прямо на полъ, на вороха соломы, наполняя ими все свободное пространство... Трудно было двигаться среди этой массы распростертыхъ страдающихъ тѣлъ.... Не хватало рабочихъ рукъ для перевязокъ, не хватало времени удовлетворить всѣ требованія. Врачи и сестры сбились съ ногъ. Измученные, невыспавшіеся, потерявшіе представленіе объ ѣдѣ, они торопливо переходили отъ одного раненаго къ другому, наскоро заканчивали перевязки, производили самыя необходимыя операціи, сортировали, осматривали и, несмотря на всю быстроту и энергію, не могли справиться съ задачей.... Сколько ни работали, а дѣла не уменьшалось; напротивъ, все новые и новые потоки вливались въ переполненные бараки и не было имъ конца.... Повозка за повозкой, носилки за носилками, транспортъ за транспортомъ.... Было отъ чего сойти съ ума.

Татьяна Михайловна только что отошла от раненаго японца, которому она мѣняла повязку на прострѣленной груди, въ то время, какъ онъ пристально смотрѣлъ ей въ лицо со страннымъ выраженіемъ въ глазахъ. Было что-то колющее, сверлящее въ острыхъ, черныхъ маленькихъ глазкахъ японца, а въ заискивающей, подобострастной улыбкѣ таилось недоброжелательство и презрѣніе.

Татьянѣ Михайловнѣ было неприятно возиться съ этимъ маленькимъ шафрановаго цвѣта сухощавымъ, мускулистымъ тѣломъ, отъ котораго чувствовался не сильный, но какой-то особый нечеловѣческой запахъ.

Окончивъ перевязку, она торопливо отошла и, остановившись около дверей, гдѣ было немного посвободнѣе, стала поправлять выбившіяся изъ подъ косынки волосы. Она чувствовала нестерпимую усталость. Въ эту минуту она ничего такъ не хотѣла, какъ сбросить съ себя нѣсколько сутокъ не снимавшееся платье, растянуться во всю длину истомленнаго, ноющаго тѣла и заснуть.... заснуть крѣпкимъ, ничѣмъ не тревожимымъ сномъ....

— Сестрица, посторонитесь чуточку, дайте дорогу, услышала Татьяна Михайловна сзади себя и быстро оглянулась. Два санитары, съ трудомъ протискиваясь въ узкихъ дверяхъ, тяжело вносили окровавленные носилки. На носилкахъ, грузно оттягивая ихъ книзу, лежала безформенная масса, вся залитая кровью, обезображенная, неузнаваемая. Рѣжущій нервы задушенный храпъ, переходящій въ стонъ, и стонъ, переходящій въ храпъ, несся изъ глубины носилокъ. Пропустивъ носилки мимо себя, Татьяна Михайловна машинально пошла за ними къ виднѣвшемуся вдали столу, около котораго суетились два доктора, фельдшеръ и сестра..

Когда носилки поставили на полъ, даже привычные санитары остановились въ недоумѣніи, не зная, какъ имъ взяться за принесеннаго раненаго.

Высокій, грузный мужчина, съ рыжей всклокоченной бородой, лежалъ на носилкахъ въ ворохѣ изодранной одежды, торчащихъ костей и висящихъ волоконъ мяса. Разорвавшимся снарядомъ ему раздробило обѣ ноги, почти отъ самаго живота, вырвало въ плечѣ руку и обнажило часть реберъ... Было непонятно, какъ онъ еще жилъ, дышалъ.

Съ большими усилями, подъ нечеловѣческіе вопли изувѣченнаго, его положили на столъ. Сестры и фельдшеръ принялись ножницами и ножичкомъ торопливо срѣзать съ тѣла болтавшіеся

лохмотья одежды въ то время, какъ доктора съ угрюмымъ вниманіемъ осматривали страшныя раны.

— Чего тамъ, господа, смотрѣть, перевязывать, захрипѣлъ раненый, *finita la comedia*.... сами видите.... конецъ.... Бога ради, не мучьте.... отравите чѣмъ-нибудь, если въ васъ есть хоть капля жалости и здраваго смысла, все равно умираю....

При первыхъ же звукахъ голоса раненаго, Татьяна Михайловна подняла голову и пристально взглядѣлась въ искаженное страданіемъ лицо.... Что-то знакомое почудилось ей.... Гдѣ она видѣла эту ярко-красную бороду, чуть не отъ самыхъ глазъ, крупный, одутловатый, съ синими жилками носъ, широкій ротъ, съ торчащими корешками испорченныхъ зубовъ и большіе сѣрые на выкатѣ глаза?

— Сто чертей и одна вѣдьма, продолжалъ, стискивая зубы, хрипѣть раненый, фендрики мои всегда смѣялись надо мною, говорили, если меня ранять, изъ меня потечетъ одинъ спиртъ, а не кровь.... Врали каналы! Вонъ сколько кровящи: какъ изъ быка.

Теперь Татьяна Михайловна сразу узнала.... Вспомнился ей ея далекій тяжелый путь въ Манчжурію, станція Бухэду, кучка офицеровъ и между ними огромный, рыжий, страшный капитанъ, пьяный, растерзанный.... Вспомнила, какъ онъ тогда неожиданно остановился передъ нею и изрыгнувъ на нее ни за что ни про что цѣлый смрадный потокъ грубой, площадной брани.... Даже теперь, много времени спустя, она невольно вздрогнула при одномъ воспоминаніи о той нелѣпой ужасной сценѣ, которую она тогда должна была пережить.

Говорятъ, бываютъ минуты, когда человѣческая мысль, зажегшись въ мозгу одного, какъ бы электрическимъ токомъ передается мозгу другого человѣка. Должно быть нѣчто подобное случилось и теперь. Раненый вдругъ тяжело повернулъ голову и пристально воззрился въ лицо Измайской. Неуловимая тѣнь промелькнула въ глазахъ, тронувъ чуть-чуть покривившіеся подобіемъ улыбки углы губъ умирающаго.

— Сестрица, прохрипѣлъ онъ съ успіемъ, я васъ узналъ.... Тамъ.... Бухэду.... Скотина я былъ, пьяная свинья.... Потомъ, какъ прочухался, признаться долго на душѣ скверно было.... словно ушатъ помоевъ въ нутро налили.... Да что подѣлаешь... пьянъ да и золь очень.... Вы, однако, того.... простите меня... видите, умираю.... Какіе уже теперь со мной счеты.... Прощаете?

— Да я на васъ и тогда не сердилась, ей Богу, не сердилась! воскликнула Татьяна Михайловна, охваченная до боли чувствомъ жалости. Я видѣла, что вы были тогда больны и не въ себѣ....

— Боленъ? покривился раненый. Хороша болѣзнь... а впрочемъ, пожалуй, вы и правы: болѣзнь, страшная, всероссійская.... многіе изъ нашего Христолюбиваго воинства болѣютъ, ай какъ много.... Ну, спасибо вамъ за то, что не сердитесь.... А въ знакъ полного мира приложите вашу ручку къ моимъ губамъ.... Самъ я, видите, не могу шевельнуться.

Татьяна Михайловна конфузясь, стыдливимъ движеніемъ, поднесла свою руку къ губамъ умирающаго. Онѣ были холодны, какъ ледь.

— Крѣпче.... не чувствую, прохрипѣлъ раненый. И отчего это вдругъ стало такъ темно.... темно и холодно.... гдѣ вы, сестрица?... докторъ, не вижу.... Темно-о-о-о....

Послѣднее слово долгимъ стономъ замерло у него на губахъ.

Докторъ внимательно пощупалъ пульсъ, приложилъ руку къ сердцу.

— Снимай! Умеръ.

Татьяна Михайловна, шатаясь, отошла отъ стола. Нервы не выдержали и она заплакала тихимъ, какъ затяжной осенній дождь, плачемъ.

Ночь смѣняетъ день, день смѣняетъ ночь, а бой продолжаетъ кипѣть на всемъ протяженіи двухъмилліонныхъ армій.... Давно уже потерянь счетъ днямъ и часамъ, потеряна надежда на побѣду.... Вмѣстѣ съ новыми транспортами раненыхъ въ госпитали проникаютъ зловѣщіе новости и слухи ... И раненые теперь не тѣ. У раненыхъ въ первые дни боя состояніе духа было приподнятое; забывая свои страданія, они оживленно толковали о скорой побѣдѣ надъ «япошками», хвастались своими подвигами, съ увлеченіемъ рассказывая о разныхъ эпизодахъ боя. Теперь приносили раненыхъ молчаливыхъ, угрюмыхъ, озлобленныхъ, неохотно отвѣчающихъ на вопросы.

— Крышка нашимъ. Опять «онъ» силу забралъ. Не совладаешь, такъ валомъ и валить.

— Хорошо ему валить. когда у него генералы хорошіе; орлы, одно слово, а у насъ..., говорящій, не досказывая своей мысли, съ озлобленіемъ отплеивается.

— Ну не скажи и у насъ есть хорошіе генералы. Возьми къ примѣру Павла Ивановича ³⁾, да еще генерала Данилова, да вотъ еще Генгросова ⁴⁾; чѣмъ не генералы?

— Много насчиталъ! Троицхъ и закаялся.

— Ну гдѣ же троихъ, есть и еще... мало-ли ихъ?

— Да не больно-то много!

Такъ переговаривались раненые, лежа рядомъ на койкахъ. У докторовъ и сестеръ съ каждой минутой лица дѣлались озабоченнѣе. Страшное слово «отступленіе» уже повисло въ воздухѣ. И жутко дѣлалось докторамъ и сестрамъ при взглядѣ на эту массу истерзанныхъ тѣлъ, довѣрчиво и безропотно переносившихъ свои страданія въ адской тѣснотѣ госпиталя. О своевременномъ вывозѣ всей этой массы раненыхъ нечего было и думать. По крайней мѣрѣ треть, если не половина, была обречена на оставленіе на милость побѣдителей. Японцевъ не боялись, въ гуманности ихъ не сомнѣвались, но зато страшно опасались звѣрства китайцевъ, которые могли нахлынуть послѣ ухода русскихъ войскъ, еще до вступленія въ городъ японцевъ.... Страшно было подумать, что могло ожидать безпомощныхъ страдальцевъ, очутившихся въ рукахъ озлобленной, озвѣрѣлой, неумолимо-жестокой китайской черни....

И вотъ, наконецъ, страшное слово «отступать»! было произнесено.

Началась лихорадочная, душу надрывающая, суета...

Вагонъ за вагономъ, поѣздъ за поѣздомъ, быстро наполнялись ранеными. Вереницы товарныхъ вагоновъ-теплушекъ, какъ бы нагруженные человѣческимъ страданіемъ, гулко гремя колесами по промерзлымъ рельсамъ, безвозвратно уходили на сѣверъ, по направленію къ Харбину, представлявшемуся теперь для многихъ мѣстомъ радостнаго успокоенія.

Было раннее морозное утро. Пронзительный вѣтеръ, поднимая непроницаемая оледенѣлая тучи пыли, съ злораднымъ торжествомъ бросалъ ихъ въ лицо, засыпая глаза, ротъ, уши. Въ нѣсколькихъ шагахъ ничего не было видно; бѣшено завывалъ ураганъ и, какъ бы вторя ему, зловѣще грохотали орудія.

Сдавъ всѣхъ своихъ раненыхъ, Невская община, за неимѣніемъ свободныхъ вагоновъ и повозокъ, медленно пѣшкомъ двигалась

³⁾ Павелъ Ивановичъ Мищенко.

⁴⁾ Генераль Гернгроссъ.

вдоль полотна желѣзной дороги. Странно и дико было это шествіе. Впереди на низкорослой китайской клячѣ ѣхалъ старшій врачъ; въ рукахъ онъ везъ какой-то большой, очевидно сильно стѣснявшій его, свертокъ. За нимъ гурьбой брели сестры, санитары, фельдшера. Сестры были одѣты въ солдатскіе, длинные полушубки, только что полученные ими изъ оставленнаго на произволь судьбы склада Краснаго креста; на ногахъ солдатскіе бѣлые, съ красными разводами валенки, съ засунутой въ нихъ, чтобы не спадали съ ногъ, соломой, на головахъ—солдатскія сибирскія папахи. Онѣ шли, съ трудомъ волоча ноги, сгорбившись, едва будучи въ силахъ противостоятъ порывамъ всеокрушающаго урагана. Сзади этой своеобразной группы тащилась запряженная лошадей съ осломъ на пристяжкѣ лазаретная двуколка съ кое-какъ наваленными на нее самыми необходимыми пожитками.

— Забавное, чортъ возьми, путешествіе! воскликнула шедшая рядомъ съ Измайской, всегда бойкая, никогда не унывающая сестра Мусина или, какъ ее звали въ общинѣ, «Муся». Она на минуту подняла свое раскраснѣвшееся на вѣтру лицо и на Измайскую глянули веселые, искрящіеся глазки изъ подъ лохматой надвинутой на лобъ папахи и вздернутый задорно носикъ. Какъ вы себя чувствуете, Таня?

— Плохо, Муся, очень плохо, съ трудомъ ворочая языкомъ, произнесла Татьяна Михайловна. Мнѣ кажется, я скоро упаду. Нѣтъ силъ идти.

— Ну, полно, бодритесь, теперь уже до станціи недалеко, а тамъ сядемъ въ поѣздъ и въ Харбинь... Вотъ-то отдохнемъ и выспимся... любо дорого!

Татьяна Михайловна хотѣла что-то сказать, но въ эту минуту, точно темная пелена, на мгновеніе окутала ей голову. Она пошатнулась и навѣрное бы упала, если бы ее не поддержалъ шедшій сзади санитаръ. Всѣ остановились.

— Егоръ Егоровичъ, громко окликнула Муся ѣхавшаго впереди старшаго врача. Егоръ Егоровичъ, съ Измайской дурно.

Егоръ Егоровичъ торопливо подѣхалъ, при помощи санитаря съ трудомъ сползъ съ сѣдла и озабоченно заглянулъ въ поблѣвшее, помертвѣлое лицо Татьяны Михайловны.

— Легкій обморокъ... унадокъ силъ... Дальше ей идти нельзя. Придется выбросить часть вещей съ двуколки и уложить ее.

— Но, докторъ, тамъ все самое необходимое... Богъ знаетъ, когда и куда мы заѣдемъ... И то все почти выбросили; осталось

только безъ чего никакъ нельзя обойтись, слышались робко-протестующіе голоса.

— Самъ знаю, да что же прикажете дѣлать? Не бросать же ее на дорогѣ, какъ падаль!

— Разумѣется, что говорить, бросать нельзя... А не сможемъ ли мы нести ее на рукахъ?

— Нѣтъ ли тутъ какой-нибудь свободной подводы?

— Экъ сказали, гдѣ тутъ подвода... Видите какая толчея!

Дѣйствительно, справа и слѣва отъ столпившихся въ кучку сестеръ Невской общины тянулись безконечной волной отступающія войска. Люди разныхъ полковъ, перемѣшанные между собой, медленно тащились, точно подгоняемые вихремъ. Многіе были безъ ружей. Между здоровыми, поддерживая другъ друга, опираясь на палки, на ружья, ковыляли раненые. Орудія, патронные и зарядные ящики, чудовищныхъ размѣровъ понтонные фургоны, запряженные четвериками огромныхъ коней, переполненные орущими солдатами, санитарныя фуры и двуколки, биткомъ набитыя ранеными, безконечной вереницей, смѣняя одни другихъ, тянулись по дорогѣ... Толпы все росли, дѣлались гуще... Гулъ и гомонъ голосовъ стоялъ надъ долиной.

— Стойте, господа! крикнула Муся. Поѣздъ какой-то идетъ. Вотъ бы остановить, попросить, чтобы насъ взяли на поѣздъ.

Дѣйствительно, со стороны покинутаго русскими Мукдена, медленно подходилъ поѣздъ. Локомотивъ, тендеръ, три вагона 1-го, 2-го и 3-го классовъ, вагонъ-салонъ и двѣ теплушки. Поѣздъ едва шель, осторожно продвигаясь впередъ среди волнъ человѣческаго моря, то и дѣло подавая тревожные свистки, сгоняя ими бредущую по шпаламъ толпу. Машинистъ, одной рукой держась за поручень, всѣмъ туловищемъ свѣсилъ на бокъ и зорко поглядывалъ впередъ.

— Чей поѣздъ? крикнулъ Егоръ Егоровичъ, выступая впередъ.

— Генерала Н., отвѣтилъ машинистъ. Злобно-насмѣшливая улыбка скользнула по обвѣтренному лицу машиниста.

— А мѣста свободныя есть? продолжалъ допытываться Егоръ Егоровичъ, торопливо шагая рядомъ съ локомотивомъ.

— Весь поѣздъ пустой. Только одна генеральша, два генеральскихъ адъютанта, да денщики.

— Вотъ и отлично, обрадовался Егоръ Егоровичъ; остановите, голубчикъ, поѣздъ, я попрошу генеральшу взять насъ въ поѣздъ: сестры выбились изъ силъ, не могутъ идти.

— Едва ли генеральша согласится! Попробуйте.

Машинистъ затормозилъ поѣздъ.

Докторъ съ торопливой неуклюжестью полѣзъ на ступеньки перваго класса; но въ эту минуту дверь вагона стремительно распахнулась и на площадку выскочилъ щеголевато одѣтый офицеръ.

— Что случилось? Почему остановили поѣздъ?... Что вамъ угодно, докторъ?

— Видите ли, началъ, отдуваясь, тучный Егоръ Егоровичъ, мы... т. е. наша община... доктора, сестры идемъ пѣшкомъ... Погода, какъ вы сами видите, разсобачья... нѣкоторыя сестры выбились изъ силъ... прямо умирають отъ холода и усталости... У васъ поѣздъ пустой, распорядитесь принять насъ... Довезите до станціи только, тамъ насъ ожидаетъ нашъ поѣздъ...

— Ахъ, докторъ, помилуйте, какъ это можно! искренно возмутился поручикъ. Вы, Богъ знаетъ, о чемъ просите... Нѣтъ, нѣтъ, это прямо невозможно...

И не обращая больше вниманія на разинувшаго ротъ отъ изумленія Егора Егоровича, поручикъ, ловко и граціозно перегнувшись всѣмъ туловищемъ съ площадки вагона, пронзительно, захлебывающимся отъ злости голосомъ, крикнулъ машинисту:

— Эй вы тамъ, чортъ васъ возьми! Какъ вы смѣли остановить поѣздъ? Впередъ и прибавьте ходу!

— Пойдите, вы, безумствующие люди! завопилъ, не вѣря своимъ ушамъ, Егоръ Егоровичъ. Остановитесь, возьмите хоть одну сестру... умираетъ вѣдь...

Поѣздъ дрогнувъ, отфыркнулся, какъ застоявшійся конь, и медленно поплылъ мимо ошеломленного Егора Егоровича...

Въ одномъ изъ оконъ вагона докторъ увидѣлъ красивую молодую женщину, въ формѣ сестры милосердія, съ краснымъ шелковымъ крестомъ на груди, съ приколотой поверхъ него золотой медалью на георгіевской ленточкѣ. Красавица стояла, прильнувъ лицомъ къ стеклу, и съ холоднымъ любопытствомъ разглядывала толпившуюся внизу у колесъ вагона группу сестеръ въ полушубкахъ, валенкахъ и папахъ. Чуть замѣтная улыбка скользнула на ея красивыхъ, гордыхъ губахъ.

Гулко погромыхивая колесами и цѣпями, все ускоряя ходъ, прокатилъ поѣздъ. Въ раскрытыхъ настежъ дверяхъ теплушки тѣснилось нѣсколько человѣкъ денщиковъ. Нагло съ высоты вагона, насмѣшливо-вызывающими взглядами, окидывали они мимоидущихъ офицеровъ, обмѣниваясь между собою дерзкими шутками.

— Смотри, братъ, крикнулъ одинъ изъ нихъ, заливаясь глупымъ смѣхомъ и тыча пальцемъ въ сторону сестеръ; вишь, ты, сестрицы-то милосердыя какъ вырядились, точно скимосы!

— А и впрямь настоящіе скимосы!

Денщики хохотали въ лицо негодующимъ растерявшимся сестрамъ.

Шедшій съ краю дороги молодой офицеръ въ енотовой папахѣ и щеголеватомъ полубубкѣ вдругъ сразу остановился. Густыя черныя брови его сдвинулись, глаза грозно сверкнули. Ловкимъ, привычнымъ жестомъ выхватилъ онъ изъ кобуры револьверъ и не цѣлясь выстрѣлилъ въ хохочущихъ денщиковъ. Тѣ дико взвизгнули и отшатнулись вглубь теплушки.

Офицеръ хладнокровно спряталъ револьверъ въ кобуру. Лицо его было блѣдно отъ клокотавшаго въ немъ бѣшенства, даже губы посинѣли. Онъ мрачно оглянулся на шедшихъ мимо него солдатъ и медленно, прихрамывая, побрелъ дальше.

Татьяна Михайловна, къ тому времени немного пришедшая въ себя, съ испугомъ и невольнымъ восхищеніемъ вглядѣлась въ лицо офицеру и тутъ же сразу узнала въ немъ того самаго поручика, который на станціи Бухэду чуть не поссорился съ оскорбившимъ ее капитаномъ. Съ тѣхъ поръ онъ очень возмужалъ, лицо его осунулось и приняло то особое выраженіе, которое ложится на лица людей, часто подвергавшихся смертельной опасности. Въ ея безобразномъ нарядѣ, онъ не узналъ Татьяну Михайловну и прошелъ мимо, бросивъ искоса въ сторону сестеръ полный сочувствующаго сожалѣнія взглядъ.

— Какая душка, молодчинище, правда? не утерпѣла Муся, обращаясь къ Измайской. Какъ жаль только, что онъ не застрѣлилъ ни одного изъ этихъ мерзавцевъ!

— Полно, Муся, какъ можно такъ говорить? возмутилась Татьяна Михайловна. А еще сестра милосердная!

— Я милосердная къ раненымъ, а не къ такимъ канальямъ, отпарировала задорно Муся.

— Сестрицы, а сестрицы! подошелъ къ нимъ большого роста, бородастый казакъ-уралецъ. Вотъ туточка у насъ свободная повозка есть; садитесь, а мы пѣшью поидемъ.

Татьяна Михайловна и Муся оглянулись.

Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ нихъ стояла парная интендантская повозка, а подлѣ нея человѣка четыре уральскихъ казаковъ. Всѣ они были ранены. У кого была перевязана рука, у кого го-

лова; у одного, вмѣсто сапога, нога, очевидно, поверхъ повязокъ, была толсто замотана кускомъ сукна. У казака, заговорившаго съ сестрами, были тоже повязки на обѣихъ рукахъ. На одной была перевязана кисть руки, а на другой плечо. Повязки были грязны и еле держались; видно было, что сдѣланы онѣ были давно и давно не мѣнялись.

— Но какъ же вы то сами, вѣдь вы всѣ ранены? забезпокоилась Муся.

— Ну что жъ, что раненые, добродушно усмѣхнулся казакъ; мы хучь и раненые, да все-жъ сильнѣе васъ, сестрицы; добредемъ и пѣшью, ништо намъ не сдѣлается.

Сестры энергично запротестовали. Понадобилось вмѣшательство Егора Егоровича. Вникнувъ въ дѣло, онъ нашель, что казаки поступаютъ правильно и принудилъ всѣхъ четырехъ сестеръ общины сѣсть въ повозку. Изъ раненыхъ усадили только одного, съ забинтованной ногой остальные побрели пѣшкомъ, окружая повозку и перебрасываясь съ сестрами отрывочными фразами. Несмотря на непогоду, на боль въ плохо перевязанныхъ ранахъ, на голодь, мучившій ихъ со вчерашняго дня, на всю неприглядную картину отступленія, казаки были въ самомъ лучшемъ расположеніи духа. Добродушно подсмѣивались другъ надъ другомъ, перекидываясь веселыми шутками.

Татьяна Михайловна, немного отдохнувшая и пришедшая въ себя, внимательно прислушивалась къ своеобразному пришепывающему говору уральцевъ, чувствуя, какъ ея сердце невольно наполняется любовью и глубокимъ уваженіемъ къ этимъ простымъ, несознающимъ себя великими въ простотѣ своихъ сердецъ, истиннымъ героямъ огромной исторической трагедіи, одинъ изъ актовъ которой она сейчасъ переживала.

Новый актъ кровавой драмы завершился. Заваливъ Мукденъ и его окрестности тѣлами раненыхъ и убитыхъ, своихъ и чужихъ, русскія войска отступили къ Тѣлину и расположились на Сипингайскихъ позиціяхъ. Снова закипѣла обычная работа: возведеніе укрѣпленій, рытье волчьихъ ямъ, коварное плетеніе кружевъ изъ проволочныхъ загражденій; словно клубокъ стальныхъ нитокъ, постепенно разматываясь, потянулись желѣзныя рельсы военно-полевой желѣзной дороги-дековильки; заскрипѣли колесами чудовищныхъ китайскихъ арбъ безчисленные интендантскіе транспорты;

то тутъ, то тамъ, на узлахъ дорогъ, около желѣзнодорожныхъ станцій, точно изъ земли выросли огромные склады, похожихъ издали на мельничные жернова, жмыховъ, пирамиды изъ мѣшковъ муки, крупы, овса, солдатскихъ сапогъ, горы сѣна, нескончаемые коридоры изъ дровъ....

Въ госпиталяхъ и лазаретахъ, отошедшихъ на десятки верстъ назадъ отъ прежнихъ стоянокъ, шло то же осточертѣвшее всѣмъ «повтореніе пройденнаго», какъ острили доктора: превращеніе полуразрушенныхъ, покинутыхъ хозяевами фанзъ въ больничныя палаты, пополненіе растерянныхъ и уничтоженныхъ при торопливомъ отступленіи медикаментовъ и всякаго рода больничныхъ припасовъ, постройка изъ подручнаго матеріала коекъ, носилокъ, матрацовъ, приведеніе въ порядокъ разстроенной за время отступленія бумажной отчетности... Все было такъ, какъ было и раньше. Ничего новаго: шаблонъ, рутина, нѣнко-снимательство...

У всѣхъ и во всемъ начало чувствоваться сильное утомленіе, апатія. Мало-по-малу началъ рѣдѣть и кадръ «сестеръ». Десятками уѣзжали онѣ полуживыя, съ разбитыми нервами, съ подорваннымъ на всю жизнь здоровьемъ, а на смѣну имъ хотъ и ѣхали свѣжіе кадры, но далеко не такіе многочисленные. Съ потерей надежды на побѣду—подвигъ терялъ свой смыслъ; имъ тяготились, онъ вызывалъ злую иронию надъ самимъ собою и надъ окружающими...

Татьяна Михайловна, измученная, исхудавшая, вся изнервничавшаяся, едва держалась на ногахъ.

Общее недовольство, какъ эпидемія, заразившее армію, коснулось и ее. Въ тонѣ ея голоса и въ словахъ то и дѣло прорывались нотки раздраженія и разочарованія, но больше всего томило ее полное невѣдѣніе о судьбѣ мужа. Съ самаго отступленія отъ Мукдена она не имѣла о немъ никакихъ свѣдѣній, не знала гдѣ онъ, живъ ли. Она даже не могла узнать, гдѣ находится полкъ, въ которомъ онъ служить.

Утративъ всякую надежду узнать своими средствами что-либо о мужѣ и въ конецъ изстрадавшаяся кошмарными тревогами за его судьбу, Татьяна Михайловна рѣшила, наконецъ, поѣхать въ главную квартиру и тамъ добиться точныхъ свѣдѣній.

Несмотря на то, что Гунжулинъ, гдѣ въ то время находилась ставка главнокомандующаго, представлялъ изъ себя небольшой поселокъ, Татьяна Михайловна долго не могла найти ту именно канцелярію, которая ей была необходима. Наконецъ, руководимая какимъ-то невзрачнаго вида писарькомъ, Татьяна Михайловна оты-

скала то, что ей было нужно. Небольшой желѣзнодорожный домикъ изъ сѣраго камня, высокое крылечко и нѣсколько тощихъ деревьевъ передъ фасадомъ, на которомъ красовалась черная досочка съ надписью, повѣшенная, однако, настолько высоко, что разобрать эту надпись не представлялось никакой возможности. Пройдя полутемную крошечную переднюю, Татьяна Михайловна очутилась въ довольно просторной комнатѣ съ высокимъ потолкомъ и большими окнами, сквозь которыя лились цѣлые снопы яркихъ солнечныхъ лучей. Былъ мартъ мѣсяцъ и солнце начинало пригрѣвать по весеннему, хотя по ночамъ бывало еще и очень холодно.

Бокомъ къ окну стоялъ большой, покрытый кускомъ зеленаго сукна, столъ, за которымъ сидѣлъ, полуразвалясь, въ небрежной позѣ, молодой, черноволосый, худощавый штабсъ-капитанъ, съ блѣднымъ, нездоровымъ лицомъ, въ золотомъ пенснэ и съ золотымъ браслетомъ на худощавой блѣдной рукѣ. Пуская красивыя кольца дыма, онъ что-то оживленно рассказывалъ толстому лысому старику въ поношенномъ мундирѣ военнаго чиновника. Столъ, за которымъ сидѣлъ чиновникъ, стоялъ у противоположной стѣны, обращенной къ свѣту, и былъ весь заваленъ ворохами бумагъ, огромными книгами и не менѣе огромными замысловато разграфленными вѣдомостями.

При входѣ Татьяны Михайловны, оба подняли головы и съ любопытствомъ посмотрѣли на ея лицо. Очевидно оба адски скучали, дѣла особеннаго не было, уйти почему то было нельзя, они рады были приходу новаго лица.

— Чѣмъ могу служить? съ изящнымъ полупоклономъ встрѣтилъ Измайскую штабсъ-капитанъ, съ видимымъ удовольствіемъ смотря ей въ лицо. Несмотря на худобу, мертвенную блѣдность лица и на скромный, поношенный нарядъ сестры милосердія, Татьяна Михайловна была все еще очень хороша собой. Ея большіе, темные глаза отъ худобы лица сдѣлались еще больше, придавая ему одухотворенное выраженіе; блѣлокурыя пряди выбивающихся изъ подъ наковки волосъ, позолоченныя лучами яркаго солнца, обрамляли высокій бѣлый лобъ, смутно напоминая золотые ободки на византійскихъ иконахъ.

Вспыхивая и сбиваясь отъ волненія и застѣнчивости, Татьяна Михайловна начала было излагать свою просьбу, но штабсъ-капитанъ, бросивъ красивое «*parдон*», схватилъ ютившійся въ углу стулъ и галантно подставилъ его Измайской.

— Прошу, садитесь и успокойтесь. Повѣрьте, мы сдѣлаемъ для васъ все возможное... и даже невозможное, добавилъ онъ съ игривою улыбкою. Потрудитесь изложить вашу просьбу: я весь—вниманіе.

Подкупленная его любезностью, Татьяна Михайловна съ признательностью посмотрѣла ему въ лицо и, охваченная приливомъ для нея самой неожиданной довѣрчивости, начала рассказывать про свое безпокойство о судьбѣ мужа и о томъ, какъ она четвертую недѣлю не можетъ отыскать даже слѣдъ его пребыванія въ арміи.

Граціозно опершись на руку, придавъ лицу мечтательно-восхищенное выраженіе, штабсъ-капитанъ сосредоточенно пускалъ колечки голубоватаго дыма, искренно любуясь своей, неожиданно Богомъ посланной, гостью. Отъ волненія лицо Татьяны Михайловны порозовѣло, а въ оживленныхъ глазахъ засверкали огоньки; ласковая милая улыбка заиграла на губахъ. Ей казалось будто штабсъ-капитанъ слушаетъ ее съ большимъ сочувствіемъ, ловя каждое ея слово, и это придавало ей смѣлости и краснорѣчія.

Какъ бы она была поражена, если бы могла узнать его сокровенныя мысли! За выработанной долгой практикой общенія съ просителями личиною сочувствующаго вниманія штабсъ-капитанъ весьма искусно скрывалъ полное равнодушіе къ переживаемымъ его собесѣдницей душевнымъ страданіямъ.

— Глупенькая, съ ироническимъ сожалѣніемъ думалъ онъ; влюблена въ мужа, какъ кошка... При такой красотѣ, такая вопіющая банальность... Воображаю, ея муженекъ здоровенная, армейская дылда, пьетъ водку, играетъ съ утра до ночи въ карты и возится съ грязными китайками, а она изнываетъ по немъ... Почему блестящему штабсъ-капитану мужъ Татьяны Михайловны представлялся именно такимъ, какимъ онъ его сразу себѣ представилъ, была его тайна.

— И откуда у простого армейскаго поручика можетъ быть такая жена? продолжалъ размышлять штабсъ-капитанъ, жадно вглядываясь въ лицо Татьяны Михайловны и, въ то же время, пуская мимо ушей всѣ ея слова. Она положительно очень и очень интеллигентна... И что она тамъ все рассказываетъ? Справку? Какую справку? Ахъ да, о мужѣ, гдѣ мужъ?.. А чортъ его знаетъ, гдѣ... почему мы можемъ знать... Спросить развѣ Архипенко, можетъ быть онъ случайно знаетъ... Такія и подобныя мысли торопливо пробѣгали въ головѣ штабсъ-капитана и когда Татьяна Михайловна умолкла, онъ дружественно начальническимъ тономъ обратился къ чиновнику:

— Петръ Ивановичъ, вы слышали, что говорила madame, madame...

— Измайская, подсказала Татьяна Михайловна.

— Ахъ да, pardon. Madame Измайская... Необходимо дать справку, гдѣ въ настоящую минуту находится N-й стрѣлковый полкъ.

— Объ этомъ, Аркадій Павловичъ, я думаю лучше всего было бы справиться у Оямы. Посовѣтуйте барынкѣ запросить по телеграфу. Японскому главнокомандующему навѣрно доскональнѣйше извѣстно точное расквартированіе всѣхъ нашихъ полковъ. Во всякомъ случаѣ лучше, чѣмъ намъ.

Штабсъ-капитанъ снисходительно улыбнулся.

— У насъ Петръ Ивановичъ, озлобленный умъ, обернулся онъ къ Татьянѣ Михайловнѣ; его конекъ—насмѣхаться надъ нашими порядками. По его мнѣнію у насъ все ни къ чорту не годится, тогда какъ мнѣ думается, что наши порядки не такъ ужъ плохи. Не правда-ли? Вы, Петръ Ивановичъ, наведите все-таки справочку, мы ждемъ, добавилъ штабсъ-капитанъ фамильярно-игривымъ тономъ.

— Справочку отчего не навести, но только польза отъ нея весьма сомнительна. Оторвавъ клочекъ бумаги, Петръ Ивановичъ быстро накидалъ на немъ нѣсколько строкъ и нажалъ кнопку звонка. Въ комнату торопливо вбѣжалъ бѣлобрысый франтоватый писарекъ.

— Справку! буркнулъ Петръ Ивановичъ, бросая ему бумажку. Писарь на лету поймалъ ее и такъ же быстро исчезъ.

— Вы давно замужемъ? спросилъ вдругъ штабсъ-капитанъ и тутъ же самъ себя выругалъ за глупый вопросъ.

— Немного больше года, какъ мы обвѣнчались... передъ войной.

— Извините, пожалуйста, вы русская? продолжалъ допрашивать Аркадій Павловичъ. Ему хотѣлось повести разговоръ такъ, чтобы узнать откуда его собесѣдница родомъ. Ея манеры, ея голосъ, весь ея обликъ говорилъ ему, что передъ нимъ женщина не простого круга, а въ то же время замужемъ за простымъ пѣхотнымъ поручикомъ: это ему казалось почему то ненормальнымъ и разжигало его любопытство.

— Я? удивилась его вопросу Татьяна Михайловна, я русская... Впрочемъ, если хотите, не совѣмъ: моя бабушка англичанка; отецъ моей матери долго жилъ въ Англии и женился тамъ.

— А чѣмъ же былъ вашъ дѣдушка? не унимался Аркадій Павловичъ, любопытствуя и самъ досадуя на свое любопытство.

— Онъ былъ при посольствѣ... секретаремъ или что-то въ этомъ родѣ...

— Вотъ откуда у васъ такой дивный овалъ лица—у васъ типъ англичанки. А это общеизвѣстное правило, что если англичанка не похожа на вѣдьму, то она хороша, какъ ангель.

Татьяна Михайловна слегка покраснѣла и чуть замѣтно сдвинула брови. Она терпѣть не могла никакихъ комплиментовъ, но Аркадій Павловичъ не обратилъ на это никакого вниманія.

— Сами вы бывали въ Англіи?

— Въ дѣтствѣ я провела три года у бабушки, когда еще былъ живъ дѣдушка, но потомъ онъ умеръ и я вернулась домой.

— Въ такомъ случаѣ вы навѣрно прекрасно владѣете англійскимъ языкомъ! Какъ я вамъ завидую; вы можете въ подлинникъ читать Байрона, Шекспира! мечтательно воскликнулъ штабсъ-капитанъ. Какое это должно быть божественное наслажденіе! добавилъ онъ восторженно.

Татьяна Михайловна съ нѣкоторымъ изумленіемъ посмотрѣла ему въ лицо, а Петръ Ивановичъ безцеремонно фыркнулъ.

Штабсъ-капитанъ слегка сконфузился, но въ эту минуту вошелъ писарь съ клочкомъ бумажки въ рукахъ.

— А ну давай-ка сюда, братецъ, дѣловитымъ тономъ сказала штабсъ-капитанъ, взявъ бумажку и глубокомысленно прочелъ: «Селеніе Сауденфай, въ районѣ XIV корпуса, между селеніями Таудзентай и Таудценпу». Вотъ, извольте получить, самая точная / подробная справка.

Татьяна Михайловна нерѣшительно взяла изъ рукъ офицера бумажку. Лицо ея выражало полное недоумѣніе: Таудзентай и Таудценпу—мало говорили и ея сердцу...

— А гдѣ же эти самыя селенія Таудзентай и Таудценпу? недоумѣвающе спросила она.

— А это надо посмотрѣть на картѣ... Впрочемъ, спросите любого китайца, онъ вамъ скажетъ... По моему мнѣнію, вамъ лучше всего было бы нанять рикшу, онъ васъ и доведетъ...

— Значить это недалеко? обрадовалась Татьяна Михайловна.

— Версть 70 отсюда будетъ, буркнулъ съ своего мѣста Петръ Ивановичъ если только такія селенія дѣйствительно существуютъ, а не плодъ фантазіи нашихъ топографовъ... Знаете исторію съ «бутундой»? Поѣхалъ одинъ топографъ дѣлать съемку. Видитъ селеніе, спрашиваетъ китайца: «Шима миндза, ходя»? что въ переводѣ означаетъ: «какое это селеніе»? На это китаецъ, не

понявъ ни слова, отвѣчаетъ своимъ всегдашнимъ «бутунда, капитана»; бутунда—значить не понимаю. А, Бутунда! Такъ и отмѣтимъ. Помѣтилъ на картѣ селеніе Бутунда и поѣхалъ дальше. Опять селеніе, опять китаецъ, опять тѣ же вопросы и тотъ же отвѣтъ «бутунда». Опять Бутунда, ну запишемъ Бутунда 2-я. Отмѣтилъ — ѣдетъ. Третье селеніе и та же исторія. Опять Бутунда. Удивляется топографъ системѣ дураковъ китайцевъ давать нѣсколькимъ селеніямъ одни и тѣ же названія, однако записываетъ Бутунда 3-я. Боюсь, чтобы и эти Таудзентай и Таудценпу, при ближайшемъ знакомствѣ, не оказались своего рода «Бутундами».

— Ну вы, Петръ Ивановичъ, всегда со своимъ скептицизмомъ на этотъ разъ съ нескрываемымъ неудовольствіемъ произнесъ штабсъ-капитанъ. Только барынку разстраиваете... Вы его не слушайте, успокоилъ онъ Татьяну Михайловну, справка вполнѣ вѣрная, вашъ мужъ навѣрно или въ Таудзентаѣ или въ Таудценпу... не беспокойтесь.

— Тутъ написано, что полкъ мужа стоитъ въ Са-у-денфай...

— Ну, да, конечно, въ Са-у-денфай, но возможно, что и въ Таудценпу... Это рядомъ, совсѣмъ рядомъ, почти бокъ о бокъ, горячо увѣрялъ штабсъ-капитанъ, которому въ концѣ концовъ надоѣло возиться съ Татьяной Михайловной и хотѣлось скорѣе отъ нея отвязаться.

— Влюблена до тошноты въ мужа—какая можетъ быть отъ такой дуры польза? Хорошенькая, но совсѣмъ прѣсная, рѣшилъ онъ про нее.

С. П.

(Продолженіе слѣдуетъ).

2.8.